

А. Л. Андреев, И. В. Лашук

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ: КАРТИНЫ МИРА, ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ, СТРАТЕГИИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ. Часть 1

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 17-23-01007-ОГН (м)

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.1.6270

Андреев Андрей Леонидович — доктор философских наук, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова.
129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, 3;
профессор, НИУ МЭИ.
111250, Россия, Москва, Красноказарменная ул., 14;
главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
E-mail: sympathy_06@mail.ru

Лашук Ирина Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии; руководитель Центра социально-гуманитарных исследований УО «Белорусский государственный экономический университет».
220070, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Партизанский, 28
E-mail: lashuki74@gmail.com

Аннотация. Статья опирается на результаты исследования «Молодёжь в постсоветском пространстве: картины мира, ценностные установки, стратегии самореализации», эмпирической базой которого послужили проведённые по сопоставимой методике социологические опросы, проводившиеся в октябре 2017—феврале 2018 гг. среди студентов ведущих вузов России и Республики Беларусь. Анализ полученных данных осуществлялся с точки зрения проблемы внутренней консолидированности «русского мира» и перспективы смены поколений в элитах постсоветских государств (в этом контексте студенты ведущих российских и белорусских вузов рассматриваются как своего рода протозелитная группа). Осуществлялось сопоставление картины мира российской и белорусской учащейся молодёжи, формирующихся в студенческих средах двух близких по культуре стран социальных представлений и ценностных ориентаций, особенностей российской и белорусской идентичности, стратегий личностной самореализации, включая выбор места проживания и уровень эмиграционных настроений. Выявлены как сходства, так и различия в менталитете молодых белорусов и россиян. В частности, большое значение имеют выявленные в ходе исследования различия в восприятии стрелы времени, а также в эмоциональном отношении к понятию «государство». На основании результатов анализа в статье показано, что представления о жизни российской и белорусской учащейся молодёжи в значительной мере сходны, однако отношения между Россией и Беларуссией в картине мира российской и белорусской молодёжи асимметричны. В статье обсуждаются возможные последствия различия картин мира и ценностных установок студенческой молодёжи России и Беларуссии для судеб «русского мира».

Ключевые слова: учащаяся молодёжь, картина мира, ценности, национальный менталитет, самореализация, социальное самосознание.

Постановка проблемы

Образование, как известно, не только вооружает нас знаниями и умениями, но и выступает в качестве института динамического воспроизводства социальных и социокультурных систем — динамического потому, что при воспроизводстве социальных структур и их элементов в них непрерывно вносятся различные количественные и качественные изменения. Некоторые функции образования в данном процессе (например, вклад школ разного типа и уровня в создание и накопление социального капитала, связь между образовательными различиями и социальной стратификацией, влияние образования на социальную мобильность и ряд других) достаточно хорошо исследованы как в отечественной, так и зарубежной социологической науке [Грани..., 2015; Bourdieu, Passeron, 1990]. Однако зона внимания этих исследований принципиально ограничена концептуальными рамками и базовыми абстракциями общей социологии, предмет которой обычно понимается как общество. За этим понятным теоретическим конструктом (который, впрочем, отнюдь не всем кажется достаточно содержательным — см. [Гофман, 2005]) угадывается некое условное институционально интегрированное территориальное сообщество с единой идентичностью, обобщённо представляющее различные конкретные социумы, такие, например, как британское общество, бразильское общество, каталонское общество и т. п. Однако насколько такой тип концептуализации, вполне адекватный социальным условиям периода формирования классической социологии, соответствует реалиям других эпох? И, в частности, социально-исторической ситуации последних десятилетий, когда процессы, происходящие в социальных образованиях, которые могут быть идентифицированы как общества, на самом деле в значительной мере формируются широкими глобальными объединениями (такими как ЕС, ЕАЭС, АСЕАН или формируемое Китаем вокруг Нового шёлкового пути «общество единой судьбы» и др.)? В этой ситуации, как нам представляется, нужна новая теория социально-исторического развития, которая, если употребить наглядное сравнение, будет относиться к принятым ныне социологическим моделям исторического развития примерно так же, как ограниченная масштабом национальной экономики Марксова модель капитализма относится к разработанной Гильфердингом, Лениным и Розой Люксембург теории империализма или, допустим, к мир-экономикам школы Валлерстайна.

Для понимания происходящих в современном глобальном мире социальных процессов нужны новые единицы теоретического анализа, дополняющие традиционный конструкт «общество». В качестве одной из таких единиц, задающих контекст развития для единиц меньшего масштаба — обществ, на наш взгляд, можно рассматривать *культурно-исторические миры*. Об одном из таких миров, а именно о *русском мире*, в последнее время довольно много писали. Но, поскольку данное выражение пришло из политической практики, область его применения ограничена политической публицистикой. Социологическая наука к нему почти не обращается, хотя речь определённо идёт о специфическом социальном явлении, причём явлении *повторяющемся*, неоднократно наблю-

давшемся в истории (например, римский мир, китайский мир, тюркский мир, малайский мир и, конечно же, хорошо известный нам сегодня *Rex Americana*). Позволим себе высказать мысль, что там, где возникают культурно-исторические миры, именно они начинают выступать как целостные субстраты и пространства социально-исторического развития. Иными словами, развиваются в данном случае не просто отдельные общества, но целые миры (общества, разумеется, при этом тоже развиваются, но именно как часть охватывающих их миров).

Если это так, то интеграцию и внутреннюю динамику русского мира надо рассматривать не просто как вопрос внешнего политического, культурного и информационного влияния (т. е. преимущественно в аспекте так называемой мягкой силы), но и как *вопрос развития* — вопрос социально-исторической перспективы и эффективной модернизации. Соответственно этому надо рассматривать и механизмы формирования, укрепления и воспроизводства русского мира, среди которых исключительно важное место принадлежит образованию.

В последнее время социологическая наука активно разрабатывала проблематику так называемого человеческого капитала, которая обсуждается применительно к различным социальным группам, регионам и государствам. Нам представляется логичным рассматривать с этой же точки зрения и потенциал различных культурно-исторических миров, в том числе и русского мира. При этом, очевидно, следует различать два аспекта проблемы: с одной стороны, интеграционный потенциал, внутреннюю консолидированность таких миров, их способность сопротивляться эрозии, а с другой стороны — их потенциал развития. Методики социологической диагностики состояния культурно-исторических миров пока не отработаны. Между тем в практическом плане её результаты очень важны, поскольку дают информацию, позволяющую выстраивать эффективные стратегии коэволюции всех составляющих тот или иной культурно-исторический мир стран и народов. И, между прочим, предотвращать возможные социально-исторические катастрофы (что мы имеем в виду, станет ясно, если назвать только один такой пример — крушение ещё недавно мощного геоэкономического и геополитического комплекса Россия—Украина). В качестве сравнительно малозатратного и компактного метода экспресс-диагностики мы бы предложили для этой цели социологическое исследование настроений, ценностных ориентаций и социальных представлений определённых групп учащейся молодёжи с общей задачей реконструкции складывающейся в их сознании картины мира.

Поясним эту идею несколькими, на наш взгляд, достаточно основательными соображениями. Очевидно, что изучать молодёжь — значит, в какой-то мере, заглядывать в будущее, которое именно она и будет создавать. Конечно, прямые экстраполяции здесь неуместны; с переходом сегодняшних юношей и девушек в старшие возрастные категории, по мере приобретения ими социального опыта и изменения социально-исторических условий, их установки и стиль поведения определённым образом изменятся. Однако — *не любым* теоретически возможным способом: варианты такого рода изменений уже заложены логикой сформировавшихся в ходе социализации и воспитания картин мира. И потому, осуществляя реконструкцию

ментального строя нынешней молодёжи, мы можем с некоторой долей разумной осторожности прогнозировать, каким может стать и в каком направлении может двигаться социум, в котором они со временем будут задавать тон в качестве «основного», т. е. наиболее дееспособного из достигших полной социальной зрелости и раскрывших свои возможности поколений. Надо, однако, уточнить, что в связи с этим реальный интерес представляет не вся молодёжь, а, главным образом, та её часть, которая в определённой временной перспективе сможет претендовать как на статус лидера мнений, так и на институционально значимые позиции в ключевых сферах социальной жизнедеятельности — политике, бизнесе, культуре, массовых коммуникациях, образовании, вооружённых силах. Условно эту часть молодёжи было бы довольно естественно отождествить со студенческим контингентом ведущих, хотя бы в национальном масштабе, высших учебных заведений, выпускники которых, как можно ожидать, в среднесрочной перспективе пополнят состав элитных и субэлитных групп, которые по большей части определяют потенциал и вектор развития своих стран, а в качестве «лидеров мнений» — также и доминирующие в этих странах культурные и идейно-политические тенденции.

С этой точки зрения интересно было бы сопоставить мнения, социальные представления и ценностные ориентации, сложившиеся на сегодняшний день в студенческой среде двух наиболее близких друг другу русскоязычных государств — Российской Федерации и Республики Беларусь, оценить культурно-психологическую дистанцию между ними. Это если не прямо, то косвенно позволило бы нам судить как о мере консолидации русского мира, так и способности системы образования двух стран служить не только «кузницей» профессионально подготовленных кадров, но и генератором социокультурных трендов, работающих на интеграцию постсоветского пространства.

Жизненные ценности студенческой молодёжи

С целью такого сопоставления в 2017–2018 гг. было проведено исследование «Молодёжь в постсоветском пространстве: картина мира, ценностные установки, стратегии самореализации», эмпирической базой которого послужили данные практически одновременного социологического опроса российских и белорусских студентов, осуществлявшегося по специально разработанной под обозначенные выше цели единой методике. И в том, и в другом случае к опросу привлекались студенты ведущих вузов, престижных и традиционно привлекающих наиболее сильных абитуриентов¹. В исследовании применялась серийная вы-

¹ В России это ряд ведущих столичных вузов — МГТУ им. Н. Э. Баумана, НИЯУ МИФИ, НИУ «МЭИ», РХТУ им. Д. И. Менделеева, МГУ им. М. В. Ломоносова (социологический факультет и факультет политологии), РЭА им. Г. В. Плеханова, ГУУ (Государственный университет управления), МГППУ (Московский государственный психолого-педагогический университет), ВГИК им. С. А. Герасимова, МГЛУ (всего опрошено 1330 респондентов, из которых 45% — юноши и 55% — девушки); в Белоруссии — Минский, Могилёвский и Гродненский университеты, 770 респондентов (43% — юноши, 57% — девушки).

борка, в которой отбор единиц анализа осуществлялся поровну из двух сводных групп: 1) с гуманитарным и 2) с техническим и естественно-научным направлениями подготовки. Другой срез исследования предполагал выявление динамики по различным образовательным уровням подготовки: младшие курсы бакалавриата (1-й и 2-й); старшие курсы бакалавриата (3-й и 4-й); магистры и аспиранты; доля студентов младших курсов в общем объёме выборки составила 50%.

Обзор результатов проведённого исследования начнём с ценностных установок. В соответствии с условиями опроса наши респонденты должны были ранжировать базовые жизненные ценности по их субъективной значимости, выбрав из предложенного им перечня (24 позиции) те, которые они считают самыми важными. Результаты по российской выборке представлены в таблице 1.

Таблица 1

Наиболее важные жизненные ценности в российской студенческой среде, 2017–2018 гг., %

Ценности	Доля	Ценности	Доля
1. Семья	73,7	13. Познание	15,2
2. Саморазвитие	53,7	14. Комфорт	12,4
3. Дружба	51,8	15. Репутация	6,5
4. Здоровье	49,2	16. Толерантность	6,1
5. Любовь	46,4	17. Досуг	6,0
6. Душевное равновесие	30,8	18. Престижная профессия	5,0
7. Интересная работа	24,1	19. Долг перед Родиной, людьми	4,1
8. Материальное благосостояние	22,1	20. Власть	4,1
9. Личная независимость	21,2	21. Традиции	3,0
10. Творчество	21,2	22. Общественное признание	2,8
11. Яркие впечатления	20,4	23. Национальное достоинство	2,4
12. Справедливость	17,6	24. Что-то ещё	0,2

Разрешалось отметить до 5 приоритетных вариантов ответа, вследствие чего сумма цифр по столбцам превышает 100%.

Как видно из данных таблицы 1, безусловным приоритетом для молодых образованных россиян является семья. Эта позиция лидирует, причём от ценности № 2 её отделяют целых 20 процентных пунктов – это самый большой разрыв между двумя соседними строчками. В самом вершине нашего списка оказались и такие понятия, как дружба и любовь. Обобщённо можно сказать, что это ценности «малого круга» общения, в котором люди объединены сопряжением душ и эмоциональной близостью. Заметим, что эта черта вообще характерна для всех славянских (или даже шире – восточноевропейских) народов. Примерно тот же порядок приоритетов выявил и опрос, проведённый среди белорусских студентов. Например, для белорусских студентов главным ценностным ориентиром (главной ценностью) также оказалась семья, да и все пять лидирующих ценностей оказались точно такими же, как и у российских студентов, хотя они и выстроились в несколько ином порядке. Разумеется, такая общность представлений в немалой мере способствует психо-

логическому контакту русских и белорусов на уровне своего рода повседневных жизненных ориентиров, что немало способствует взаимопониманию и взаимному проникновению разнообразных профессиональных сред.

Разумеется, молодые люди в обеих странах принимают близко к сердцу и вопросы материального благосостояния, но в целом данная позиция занимает место не в первых строчках приведённой таблицы, а ближе к её середине, уступая при этом и интересной работе, и душевному равновесию. Такие же проявления «суеты мира сего», как обладание властью, престиж, известность, нашу молодёжь, по-видимому, не слишком волнуют. В самом конце рейтинга мы находим и некоторые культивируемые на Западе ценности, как, например, толерантность.

Какие же человеческие качества в исследовавшейся нами студенческой среде относятся к категории ценностей? В стандартном наборе таких качеств значительным большинством и в России, и в Белоруссии на первое место была выдвинута честность (в обоих случаях от 55 до 56% опрошенных). Вслед за тем по результатам «мягкого» голосования (из 17 включённых в список качеств разрешалось выбрать не более 5) в разном порядке расположились доброта, надёжность, воспитанность и ум. Немалое значение и россияне, и белорусы придают также трудолюбию, справедливости, солидарности, ответственности за себя и своих близких. Это, несомненно, надо отнести к привлекательным сторонам опрошенных. В то же время, если рассматривать наших респондентов как протоэлитную группу, нельзя не обратить внимания на сравнительно невысокую оценку ею таких характеристик, как собранность и самодисциплина, рассудительность, самокритичность, эрудиция, но особенно — деловых и волевых качеств. Правда, среди россиян «вес» этих качеств оказался на 4–5 процентных пунктов выше, чем у белорусов (за исключением такой позиции, как «твёрдая воля», которую и в той, и в другой выборке отметила практически одинаковая доля опрошенных — 9,5%). Огорчает, что очень значительная часть молодых людей не рассматривают как нечто для них значимое патриотизм, долг перед Родиной (противоположную этому позицию заняли около 2% россиян и чуть более 1,5% белорусов). Это, конечно, не означает, что в среде молодых интеллектуалов нет людей, наделённых перечисленными чертами и свойствами, но ведь понятно, что когда определённые грани личности не культивируются или даже не слишком одобряются в ближайшем социальном окружении, то они и не развиваются, а затем и вообще редуцируются. Наша «компетентностная» педагогика, оперирующая триадой *знать, уметь, владеть* и ориентированная преимущественно на требования работодателя, тоже не слишком озабочена формированием таких качеств. В этом нельзя не увидеть социальной проблемы: общество либо рискует получить в будущем пусть и теоретически хорошо подготовленную, но не способную держать социальный тонус элиту, либо, как это уже было в 1990-е гг., на данную роль начнут претендовать совершенно неподходящие для неё элементы.

Впрочем, в какой-то степени обнадёживает то, к чему стремятся молодые российские и белорусские интеллектуалы, в чём они видят критерии жизненного успеха. Почти 3/4 ответивших российских студентов усматривают главный смысл жизни в самореализации. Значение данного показателя по Белоруссии несколько ниже — около 2/3 от общего числа опрошенных, но и здесь он оказался первым по

рейтингу в общем списке приоритетов. После этого, с весьма значительным отрывом, и россияне, и белорусы отдали некоторую дань гедонизму (жить интересно, путешествовать, развлекаться – примерно 43% от общего числа ответивших в России и 46% в Белоруссии), но всю среднюю часть списка и те, и другие отвели целям, связанным с социальным благополучием, – это создание семьи, материальный достаток, любовь, интересная работа. За такие варианты ответов, как «быть полезным обществу», «следовать принципам и идеалам», «жить в справедливом обществе» и т. п. подают голоса сравнительно немногие. Но среди российских студентов такие жизненные установки более популярны – их выражает по крайней мере каждый пятый или шестой, в Белоруссии же – лишь один из 6–10 опрошенных.

Весьма серьёзным препятствием на пути формирования ответственной и компетентной элиты нового русского мира, несомненно, остаётся продолжающаяся утечка мозгов. При этом прогрессирующая бюрократизация науки и образования, в дела которых всё активнее вмешиваются мало разбирающиеся в нюансах креативной интеллектуальной деятельности «эффективные менеджеры», вызвала новую волну миграционных настроений образованной молодёжи. По данным проведённого нами опроса, примерно 46% студентов элитных московских вузов рассматривают в качестве привлекательной жизненной перспективы возможность жить и работать за границей. Эта цифра примерно соответствует данным опросов студенческой молодёжи, проводившихся в регионах России, причём среди студентов технического и естественно-научного профиля она несколько выше, чем среди гуманитариев [Черныш, 2017: 364–365]. В Белоруссии уровень эмиграционных настроений ещё выше (примерно в 1,3–1,4 раза). Наиболее популярны с точки зрения перспективы выезда США (о привлекательности данной страны как места проживания и работы заявили 61% московских студентов и 34% белорусских) и Германия (в обеих выборках – до трети опрошенных). В Белоруссии популярны также Россия и Польша, тогда как среди россиян Польша особого интереса не вызывает: её «миграционный рейтинг» в нашей выборке составил всего 5% – почти в 4 раза меньше, чем в белорусской. Франция, страны Скандинавии и Средиземноморья, Швейцария, Великобритания привлекают примерно пятую часть как российских, так и белорусских респондентов. Азиатское же направление, включая КНР, бывшие советские республики, а также Израиль особым спросом не пользуются, хотя их также называли в ходе опроса. Что же касается обмена кадрами в рамках Союзного государства России и Белоруссии, то он носит отчётливо асимметричный характер. Если среди белорусских студентов жить и работать в России хотел бы примерно каждый пятый, то среди российских обосноваться в Белоруссии желал бы только каждый двадцать пятый.

Эмоционально-ассоциативная основа картины мира

Реконструкция эмоционально-ассоциативной основы, на которой выстраивается картина мира нового поколения российской и белорусской интеллигенции, осуществлялась посредством психосемантического зондирования. В частности,

нашим респондентом был предложен список понятий, по каждому из которых надо было указать, какие ассоциации оно вызывает (положительные, отрицательные или нейтральные). Полученные нами данные, в несколько сокращённом виде представленные в таблице 2 и в значительной мере коррелирующие с результатами более ранних всероссийских опросов [Россия на рубеже..., 2000: 325–419], свидетельствуют о том, что «эмоциональная фокусировка» российского менталитета осуществляется вокруг триады *свобода, справедливость, прогресс* (индикатор положительных реакций на эти понятия 85–89%). Почти такой же результат был зафиксирован и в белорусском опросе, с той только разницей, что здесь к главным ценностям добавляются ещё и права человека – понятие, которое у россиян также популярно, но всё же не выходит на первые рейтинговые позиции (в Белоруссии положительные реакции на это словосочетание зафиксированы на уровне 86–87%, в России же – лишь немного выше 70%). Отметим зафиксированную в обоих опросах характерную эмоциональную окрашенность стрелы времени: будущее воспринимается намного позитивнее, чем настоящее и прошлое. Это одна из специфических черт русской ментальности: отношение к прошлому, настоящему и будущему в других культурах очень заметно отличается от российской модели [Cottle, 1967]. Как выяснилось в ходе нашего исследования, данная черта в полной мере воспроизводится и в молодом поколении. Однако если индикатор позитивности применительно к будущему и прошлому в России и Белоруссии примерно одинаков (85 и 89%), а отношение к прошлому по крайней мере сопоставимо (чуть менее 40 и около 33%), то настоящее в картине мира белорусских студентов «проваливается» вниз: если в России оно кажется привлекательным примерно вдвоем из каждых трёх опрошенных, то в Белоруссии соответствующий показатель оказался в 3,5 раза ниже (!). Не будем здесь обсуждать причины такого разрыва, но полагаем, что данный результат надо рассматривать не столько как свидетельство ментальных различий между молодыми россиянами и белорусами, сколько как симптом определённого отчуждения последних от современной белорусской действительности, что, по-видимому, должно послужить поводом для озабоченности. По большинству же остальных позиций, представленных в таблице 2, российская и белорусская выборки показали не слишком различающиеся между собой результаты. Самым заметным исключением стала реакция на слово «государство». У белорусов оно получило значительно более благоприятный отклик, чем у россиян (42 против 25%), что вызвало у нас некоторое недоумение, поскольку в русской политической культуре государство, вообще говоря, является одной из ведущих ценностей.

Ещё в начале 2000-х гг. мы отмечали выявленное в ходе эмпирических исследований различие в реакциях русских и немецких респондентов на понятия, относящиеся к интеллектуальной деятельности и познанию («учиться», «знать», «интеллектуал» и т. п.): в первом случае они воспринимались заметно благожелательнее, чем во втором. Проведённый нами опрос показал, что и в российской, и в белорусской студенческой среде понятия данного семантического ряда по-прежнему имеют высокие индикаторы позитивности – между 70 и 80% (что выше специаль-

но включённого нами в список соблазнительного для напряжённо работающего студента понятия «расслабление»). Что же касается антиценностей (перевес отрицательных ассоциаций над положительными), то в их числе в обеих выборках такие понятия, как «революция», «власть» и «консерватизм», к которым российские студенты добавили ещё и «Церковь»; примерно одинаковое количество положительных и отрицательных реакций отмечено в отношении понятий «социализм» и «капитализм» (при общем преобладании нейтральных ответов).

Таблица 2

Эмоционально-ассоциативные реакции российской студенческой среды
на некоторые несущие социальные смыслы понятия, %

Понятия	Полож.	Нейтр.	Отриц.	Понятия	Полож.	Нейтр.	Отриц.
Солидарность	56,1	40,0	1,9	Консерватизм	15,0	52,7	28,9
Права человека	72,3	23,6	3,3	Сострадание	67,4	27,2	4,4
Запад	27,3	62,6	6,8	Государство	23,2	56,2	12,2
Русские	49,7	43,5	5,3	Равенство	59,5	31,3	8,4
Церковь	19,5	44,4	33,7	Революция	11,6	41,5	44,8
Нация	29,9	59,5	8,6	Бизнес	49,0	42,8	7,4
Евросоюз	14,0	74,1	9,9	Мораль	71,8	24,4	2,9
Власть	14,7	53,3	30,4	Демократия	48,5	42,9	6,5
Традиция	48,2	40,9	9,6	Коллективизм	21,6	57,1	16,5
Прогресс	87,9	9,8	1,2	Рынок	32,8	57,7	7,7
Прошлое	39,5	48,8	9,8	Реформа	37,3	52,7	8,1
СССР	25,2	56,9	16,3	Справедливость	88,7	9,2	1,5
Социализм	16,2	61,8	16,9	Либерализм	25,3	60,9	9,0
Капитализм	14,1	67,0	14,6	Настоящее	64,8	28,9	5,3
Свобода	88,4	9,3	1,4	Учёба (образование)	77,2	18,0	3,8
Будущее	85,1	12,2	1,8	Россия	59,0	35,2	4,7
Индивидуализм	65,1	27,7	4,7	Интеллектуал	73,5	23,0	2,1
Патриотизм	44,7	42,8	10,9	Расслабление	66,9	26,1	4,9

В своё время мы отмечали в ряде публикаций, что, пережив сложный и противоречивый этап поиска себя в современном сверхдинамичном мире, Российская Федерация (как, впрочем, и Китай) избрала для себя особую стратегию развития, которую можно назвать *традиционалистской модернизацией* [Российское общество..., 2016: 153]. То же самое, в принципе, можно сказать и по поводу стратегии развития Белоруссии, хотя нынешняя неосоветская модель белорусского традиционализма по ряду особенностей заметно отличается от российской. Поэтому, с точки зрения прогнозирования эволюции стратегий развития русского мира, очень важно было определить место концепта «традиция» на «ментальных картах» изучаемой нами молодёжной среды. Как видно из данных таблицы 2, понятие «традиция» уступает в эмоциональной привлекательности понятию «прогресс» целых

40 процентных пунктов. Но всё же в целом российские студенты воспринимают традиции достаточно положительно. Почти половина опрошенных реагировала на слово «традиция» вполне позитивно, тогда как индикатор негативного отношения к традиции не превышает 10%. В целом же данное понятие прочно занимает место в середине составленного нами условного рейтинга (чего, правда, не скажешь о нередко смешиваемом с традиционализмом понятии «консерватизм»). Не будем пока делать из этого далеко идущих выводов, но представляется, что студенчество элитных российских вузов в данном случае демонстрирует своего рода «сбалансированный» прогрессизм: во всяком случае, на безоглядную ломку традиций оно не настроено. Укажем для сравнения: белорусские студенты настроены более традиционалистски: понятие «традиция» вызвало однозначно положительную реакцию у 55% опрошенных, а отрицательную — только у 4%. Но всё же, хотя различие между россиянами и белорусами в данном вопросе достаточно заметно, это различие не перерастает в противоположность; во всяком случае, его вполне можно охарактеризовать как умеренное.

Список литературы

Гофман А. Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 18–25.

Грани российского образования. М.: Центр социологических исследований, 2015. 644 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга четвёртая / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь мир, 2016. 400 с.

Россия на рубеже веков. М.: РОССПЭН, 2000. 448 с.

Черныш М. Ф. Студенческая молодёжь и проблема справедливости в современном российском обществе // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 15. М.: Новый хронограф, 2017. С. 341–368.

Bourdieu P., Passeron J.-C. *Reproduction in Education, Society and Culture*. L.: Sage, 1990. 259 p.

Cottle T. J. The Circles Test: An Investigation of Perception of Temporal Relatedness and Dominance // *Journal of Projective Techniques and Personality Assessment*. 1967, № 31. P. 58–71.

Дата поступления в редакцию: 26.11.2018.

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.1.6270

Russian and Belarusian Students: World Views, System of Values, Self-Actualization Strategies. Part I

This research was supported by RFBR grant No 17-23-1007 a (M)

Andreev Andrey Leonidovich

Doctor of Philosophy, Professor, All-Russian State Institute of Cinematography by S. A. Gerasimov. Wilhelm Pieck str., 3, 129226, Moscow, Russia; Professor, MPEI. Krasnokazarmennaya str., 14, 111250, Moscow, Russia; Professor, MEPhI. 115409, Kashirskoe sh., 31 Moscow, Russia; Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Krzhizhanovskogo str. 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia.
E-mail: sympathy_06@mail.ru

Lashuk Irina Valerjevna

Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of the Center for Social and Humanitarian Studies, EE «Belarusian State Economic University» 220070, Republic of Belarus, Minsk, Partizansky Ave., 28. E-mail: lashuki74@gmail.com

Abstract. This article relies on the results of the Young People in the Former Soviet Union: World Views, System of Values, Self-Actualization Strategies research, which used as an empirical base social surveys conducted under consistent procedure from October 2017 – February 2018 among students of leading higher education institutions in Russia and the Republic of Belarus. Data obtained were analyzed with regard to the problem of the internal consolidation of the “Russian world” and the perspective of generational change in the elite of the post-Soviet states (in this context students of leading Russian and Belarusian higher education institutions are considered a kind of proto-elite group). The world views of Russian and Belarusian students, social visions and systems of values developed in student environments in two countries with similar culture, specific features of the Russian and Belarusian identity, and self-actualization strategies, including selection of place of residence and attitude toward emigration, were compared. Both similarities and differences in the mentality of young Belarusians and Russians were found. Particularly, differences in perception of the arrow of time, as well as emotional perception of the concept of the “state” detected during the research are important. On the basis of analysis results, the article demonstrates that Russian and Belarusian students have, to a large extent, similar visions of life, however relations between Russia and Belarus in the world view of Russian and Belarusian youth are asymmetrical. The article includes a discussion of the possible consequences of differences in world views and systems of values of students in Russia and Belarus for the fate of the “Russian world”.

Keywords: students, picture of the world, values, national mentality, self-realization, social self-consciousness

REFERENCES

- Chernysh M. F. *Studencheskaya molodezh i problema spravedlivosti v sovremennom rossijskom obschestve*. [Student youth and the problem of justice in modern Russian society]. *Rossiya reformiruyuschayasya. Ezhegodnik*. Vyp. 15. M.: Novyj khronograf publ., 2017. P. 341–368 (In Russ.).
- Gofman A. B. *Suschestvuet li obschestvo? Ot psikhologicheskogo reduksionizma k epifenomenalizmu v opisaniy sotsialnoy realnosti*. [Does society exist? From psychological reductionism to epiphenomenalism in the interpretation of social reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2005. № 1. P. 18–25. (In Russ.).
- Grani rossiyskogo obrazovaniya*. [Facets of Russian education]. M.: Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy publ., 2015. 644 p. (In Russ.).
- Rossiyskoe obschestvo I vyzovy vremeni. Kniga chetvertaya*. [Russian society and the challenges of time. Book fourth]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M.: Ves' mir publ., 2016. 400 p. (In Russ.).
- Rossiya na rubezhe vekov*. [Russia at the turn of the century]. M.: ROSSPEN publ., 2000. 448 p. (In Russ.).
- Bourdieu P., Passeron J.-C. *Reproduction in Education, Society and Culture*. L.: Sage, 1990. 259 p.
- Cottle T. J. The Circles Test: An Investigation of Perception of Temporal Relatedness and Dominance. *Journal of Projective Techniques and Personality Assessment*. 1967. № 31. P. 58–71.

Date received by 26.11.2018.